

Василий ВЫХРИСТЕНКО В прицеле Одесский оперный

— Пути к победе трудно постижимы, — сказал Герой Советского Союза Михаил Авдеев, когда мы шли вверх по Ланжероновской от Литературного музея к Оперному театру. — Всегда, когда вижу это замечательное здание, даже на фотографиях, — у меня холодит под сердцем. Ведь с ним были связаны два памятных для меня боевых и едва не роковых "крещения" — в августе сорок первого и в апреле сорок четвертого...

Михаил Васильевич поправил белую прядь под генеральскую фуражку, и поглядывая на редкие тучи над городом, продолжил:

— Именно эта непослушная прядка покрылась седой в сорок первом, остальные добавились уже потом. Но памятная она, первая, одесская. Как это случилось? Да просто и случилось. Что ж, нам, флотским истребителям, приходилось тогда прикрывать сороковой бомбардировочный авиаполк авиации Черноморского флота под командованием капитана Александра Цурцумия. И пока в районе Одессы действовала авиация королевской Румынии, особых хлопот у нас не было. Но когда мы начали все чаще встречаться с опытными летчиками восьмого корпуса люфтваффе, пришлось немало поломать голову над вопросом безопасности наших подопечных. Еще бы — командиром корпуса был известный германский ас, любимец Гитлера генерал Манфред фон Рихтгофен. Это под его командованием легион "Кондор" вершил разбой в небе республиканской Испании. Руины Герники — дело его рук. По свидетельству фельдмаршала Эриха фон Манштейна, он был лучшим из фашистских авиационных командиров во второй мировой войне, а его корпус — мощнейшим соединением немецких военно-воздушных сил. Но о моем воздушном бое с самим Рихтгофеном как-нибудь потом.

А пока... в одном из полетов на прикрытие мотор моего "Яка", как это бывает, забарахлил, и мне пришлось садиться на Школьный аэродром у шестаковцев. Лев Львович сразу же приказал предоставить немедленную помощь. И, ясное дело, она была предоставлена. А я, выбирая место посадки, полагаясь на помощь нашей флотской авиационной группы истребителей под командованием капитана Вальцефера, что базировалась тоже на Школьном аэродроме. Но она, взаимодействуя с 69-м полком, была задействована на выполнении оперативной задачи где-то между Раздельной и Кучурганом.

Я, правда, забежал здесь несколько вперед. Но... памяти не прикажешь. И так, во время маневра для выхода на аэродром я преднамеренно затянул разворот, чтобы хоть краешком глаза посмотреть на Одессу, и в особенности на оперный театр, мою давнюю слабость. На малой высоте выполнил крутой вираж над аркадийским берегом. Осмелев, снизился до пятидесяти метров. Улицы и площади — как на ладони. Мотор иногда, скажем так, почихивает, но тянет. Захожу со стороны Чумки. Впереди по курсу белесая полоска моря, и сквозь полуденную дымку еле просматривается свеча Воронцовского маяка. Осматриваю пространство — ведомый на месте. Молодец, не отстал. И вот он — оперный театр. Ну, решаю, секунда — и отверну в сторону моря.

И вдруг стена огня выросла передо мною. Многоцветные пулеметные трассы потянулись с крыш домов, окружавших театр, и, как мне показалось, даже с его окон. Секунда, другая... Хотелось рвануть самолет вверх, но наверняка сожгут. Кто? Зачем? Почему не предупредили? Пока мелькают в голове эти вопросы, а руки уже резко бросили самолет на правое крыло, я, почти прижимаясь к крышам, проношу над чашей стадиона и парковой зоной. Потом, уже над морем, где-то за Люстдорфом вместе с ведомым взаимно осматриваем самолеты. Увидели много прямых попаданий, но, к счастью, особых повреждений не было. Лишь на аэродроме, рассматривая карту, увидел чуть заметную пометку — черта, за которую запрещалось перелетать даже своим самолетом. В особенности на малой высоте — ведь зенитчикам в таком

случае очень трудно установить принадлежность самолета. Вот они, согласно приказу, и открыли огонь, чтобы потом не было поздно.

— Ну что же, — сказал комполка Лев Шестаков, — считайте, что это был горячий дружеский поцелуй нашей Одессы. Не будете

лив и просматривается берег не только Лузановки и Дофиновки. После я узнал, что этот пост должны были ликвидировать подпольщики. Но они с этим не справились: уже весьма сильной была охрана радиопоста. А его нужно было любой ценой если не уничтожить,

но, был заминирован фашистами, и главная опасность состояла в том, что мог сдетонировать заложенный для подрыва заряд. Но флотские саперы уверяют, что если зацеплю лишь антенну — все обойдется.

Строю заход с морского сектора, ведь на воде батареи не поставишь, нет деревьев: высота бреющего полета — 25-30 метров. Проскакиваю золотистую подкову Аркадийской лагуны и над верхушками деревьев небольшим креном делаю доворот вправо на 4-ю станцию Большого Фонтана — ориентиром мне служила церковь пехотного училища. В небе ни вспышек взрывов, ни пулеметных очередей. Но это обстоятельство сильней всего давит на психику. Не помню кто, но словно по боевому уставу: час ожидания атаки — самый страшный.

И вот — улица, которая ведет прямо к театру. Почти касаясь верхушек еще безлиственных деревьев, выдерживаю направление. Ловлю в прицел тонкие антенны. Время. Нажимаю гашетки. Сноп огня вырывается из всех стволов бортовой оружия. Миг — и я проношу над крышей театра. Только теперь небо заполняется вспышками пушечных и пулеметных трасс, да и то — впереди. А в моем мозгу — слова начальника разведки: "Лишь один заход. Иначе фрицы сделают из твоего "Яка" решето".

Но помнил я и слова адмирала Октябрьского: "Действовать по обстоятельствам, по своему решению". Низко, в правом вираже, прохожу над пляжами и рискую пойти на второй заход. Но теперь уже не для атаки, а для контрольной съемки. Это была идея нашего начальника штаба: взять с собой фотоаппарат. "Знаю фашистов, — сказал он, — они после твоей атаки могут произвести поджог театра, и виноватыми окажемся мы. Пару снимков после атаки — и у нас будут убедительные доказательства".

Возле Аркадийского залива выскакиваю на берег и делаю вокруг театра восходящую спираль. Замечаю на его крыше богатно прислуги, но ни дыма, ни пламени нет. Щелкаю один раз, второй — и отворачиваю влево, через Кривую Балку выхожу на бреющей в степь. Продолжаю маневрировать и молюсь, чтобы двигатель меня не подвел.

Так вот, спасибо нашим авиационным мотористам и техникам за их светлые головы и золотые руки: ведь в воздушном бою и во время штурмовок двигатель всегда работает на максимальных оборотах. И выдерживает, словно понимает, что и летчик в таком режиме.

Под вечер приземляюсь на своем аэродроме и сразу попадаю в объятия командира полка. "Не вышел из тебя Герострат", — говорит он мне. А я смотрю — и ничего еще не понимаю: ведь пленка еще в фотоаппарате.

— За твоей атакой следили подпольщики, — объяснил мне начальник разведки, — они сообщили в штаб флота, что все прошло с блеском. Спасибо тебе!

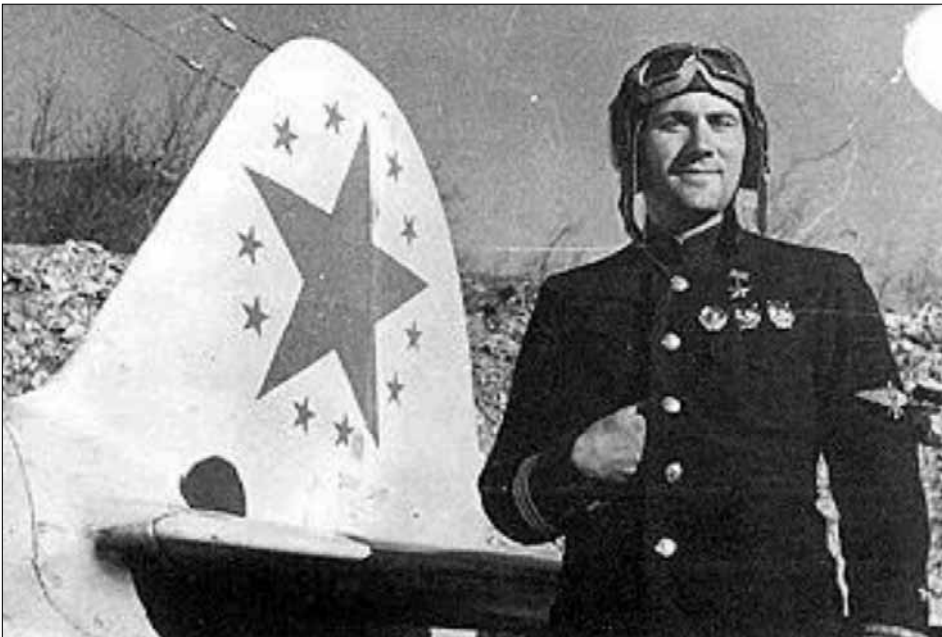
Потом мне рассказали мои товарищи, что услышав эти слова, я свалился на кушетку в кабинете начальника штаба и проспал почти сутки. И все это время, оказывается, рядом со мной был наш полковой врач. Когда я проснулся, он спросил меня о самочувствии, и я тогда впервые от него услышал слово "стресс". А когда в нашей летной землянке подошел к зеркальцу, чтобы побриться, — увидел на висках седые отметины, которых еще вчера перед полетом не было.

— И что об этом говорить сейчас, если уже вся голова белая, — улыбается генерал. — Ведь главное — не мы, а наша Победа. И спасибо твоей Одессе, что она лелеет и бережет память о войне...

"Да, — подумал я. — Победа — главное в войне". Сейчас нет войны. Но для нас должны быть особенно дороги те, кто огромной ценой — жизнью своей — добывал ее.

— Постойм, — сказал негромко генерал. — А вот и главный подарок всем за Победу!

Стайка нарядных людей, окружив невесту в белоснежной фате и жениха в строгой тройке, словно ветвь Юрия Олеши, "полная цветов и листьев", прошумела мимо нас.

Михаил Авдеев

М. Авдеев в кабине своего "Як-1"

в дальнейшем распускать руки, то есть крылья, если Одесса-мама это запрещает. Но не вы первый. Вот съедет скоро Асташкин — и обменетесь впечатлениями...

Майор достал из планшетки двухцветный — красный и синий — карандаш и жирным синим кружком на моем плане города обвел театр. Мне, с одной стороны, было немного не по себе, что досталось от своих же, а с другой — радовался: крепко, надежно охраняется Одесса. А седина — что ж, дело неживое, впереди была еще целая война.

Вверху над нами, теряясь в белесой синеве неба, тянулся тонкий инверсионный след. Проводя его взглядом, Михаил Васильевич продолжил рассказ:

— Вторая моя встреча с оперным театром состоялась уже в ходе Одесской наступательной операции, которая началась 26 марта 1944 года. В ходе подготовки к началу операции всеми видами разведки было установлено, что некоторые посты и пункты наблюдения, наведение вражеской авиации противник расположил среди одесских жилых кварталов, и уничтожить их очень тяжело. Ведь бомбардировать их — это означает поддавать опасности мирное население, да и многие сооружения, которые имеют большую культурную ценность, могут пострадать.

Один из таких постов и был расположен на крыше оперного театра, ведь это удобная точка, с которой хорошо виден Одесский за-

то хотя бы подавить непосредственно во время штурма города. Командующий авиацией Черноморского флота генерал Василий Ермаченков на запрос штаба флота ответил: "Пост будет уничтожен".

И выбор пал на меня. Разведчики произвели с разных высот аэрофотосъемку центра города, порта, разработали план. Оказалось, что путь к оперному театру (конечно, на бреющем полете) пролегает со стороны вокзала — антенное поле на фоне неба видно очень четко, и его можно срезать пулеметно-пушечным огнем. "Желательнее, все же, пулеметным", — шепнул мне как бы между прочим начальник разведки флота полковник Дмитрий Намгалдзе.

"Но если в прицеле будет вписываться крыша театра, а того еще пуше, портал с его классической лепниной, действуйте по обстоятельствам, — сказал в телефонном разговоре со мной командующий Черноморским флотом адмирал Ф.С. Октябрьский. — Не приведи Господи нам (а он именно так и сказал — нам) промахнуться и попасть в фасад театра. Славы Герострата Черноморскому флоту не нужно. При наименьшем сомнении — прекратить выполнения задания".

Меня долго еще угнетало упоминание командующего флотом о Герострате. Вечером перелетел на аэродром подскока Кульбакино в Николаеве. Второго дня в рассчитанное время взял курс на Одессу. Сердце все время стыло от одной и той же мысли. Театр, навер-

«Всемирные одесские новости»

в сети Интернет:

www.odessitclub.org